

Ярославль расположен на северном краю Поволжья, Астрахань – на противоположном, южном. Антиподы, однако. Хотя, если иначе посмотреть, ярославцы и астраханцы – земляки: волжане.

Астраханская шутка: мы здесь пьем то, что вы там сливаете. 1534 километра к юго-востоку от Москвы. Случилась писательская командировка, самолет за два с копейками часа донес из Шереметьева меня вместе с нашим живым классиком, прозаиком Владимиром Маканиным до почти безлюдного международного аэропорта Астрахани. Маканин знает себе цену, но в жизни – большой демократ. Мы легко нашли с ним общий язык. В Астрахани он бывал и жил. Я же приехал сюда впервые. Нижеследующие заметки ни на что не претендуют. Просто наблюдения. То, что увидено. То, что услышано.

Еще недавно здесь была одна только фан-группировка «Волжские браконьеры». И вот случился раскол. Появилась вторая группа «Бело-синие хулиганы».

Но почему-то в непопулярный ручной мяч в Астрахани все равно играют лучше, чем в популярный ножной.

Значение Астрахани велико и разнообразно. Город – юго-восточный край Европы, пограничье, форпост великой цивилизации Запада на восточном, азиатском берегу Волги. Он по своему внешнему облику настолько европеец, что поначалу трудно в это поверить. Здесь издавна восприимчивы к веяниям с Запада, и неудивитель-

с идея поставить ему в городе памятник. Стенькин пьяный кураж становится в споре с угрожающей покою Азией комфортной позицией «сверху», превращается в политический лозунг.

На советский период этот свежайший астраханский патриотизм почти не распространяется. Тамошние корни пересохла и не дают сил для новой борьбы. Поэтому источники ищут в других местах. Глубокий консерватизм становится основой астраханской идеологии. Литераторы Астрахани упорно борются за возвращение астраханским улицам старинных исторических названий (пока чуть не все они названы именами ревде-

застав. В газете появились статьи: пора-де улочку переименовать: не заслуживает советский коньяк такой почести, тем более при жизни. Заметка эта как-то дошла до Бабаевского, и тот прислал письмо, в котором, ничтоже сумняшеся, апеллировал к суду истории, но притом слезно попросил улочку и впрямь переименовать. Не нужна-де ему такая честь. И что же? Сейчас на месте той улочки несколько кварталов новых элитных домов – и называется это место «микрорайоном Бабаевского»!

Здесь молятся всем богам сразу. Восстанавливают православные соборы. Идут службы в костеле, интеллигенция ценит тамошний орган. Открываются мечети, протестанты. Всего 14 религиозных конфессий. Партия Жириновского освоила стильный особнячок в центре города. А славным революционерам-анпировцам барские апартаменты не нужны, бархатной южной ночью они расклеили на набережной свои возмутительные листовки: «Прогни, рабочий народ!..»

Всамых дремотных краях случаются мятежи. В Астрахани в старокупеческой семье родился великий революционер русского стиха Велимир Хлебников, один из последних русских гениев, искалеченный магией слова. О родном городе он написал так: «Здесь когда-то был Озирис». И еще добавил: «Водой тот город окружен, и в нем имеют общих жен».

Начало и конец. Они закольцованы так: именем Тредиаковского недавно названа одна из центральных улочек, Хлебникову посвящен персональный музей. Революционеры введены в пантеон. Поезд стоит, дальше ехать некуда. В этом смысле мне кажется предпочтительней положение в Ярославле, где самые известные поэты-уроженцы Кузмин и Петровых по сию пору пребывают в творческом андеграунде. У них (у нас) еще все впереди. И не нужно, наверное, требовать, чтобы они были хоть как-то увековечены в родном городе. Пусть останутся диссидентами.

Литература, однако, продолжается и в Астрахани. Есть здесь юные, совсем желторотые писатели-фантасты, которым мало Астрахани. Мало России. Нам с Маканиным удалось, кажется, найти здесь одаренных авторов, которые будут приглашены этой осенью в Москву на форум молодых литераторов. Наверное, и с них Москва спросит 60 баков за то, что доведет до Шереметьева до центра, как спросила с нас (удовольствовались, правда, значительно меньшей суммой). И им посмотрит в глаза пустым взглядом наглый мальчик в милицмейской форме, уличив в отсутствии регистрации и вымогая взятку.

Некстати вспомнилось другое. Суровой ниткой злой судьбы связала Ярославль с Астраханью Марина Мнишек. Незадачливая царица успела побывать и в ярославской ссылке, и на астраханском троне. Здесь Марина стала жертвой народного возмущения, была пленена и отправлена в Москву, которую тем временем освободило вышедшее из Ярославля ополчение Минина и Пожарского.

Евгений ЕРМОЛИН.
Астрахань – Ярославль.

АСТРАХАНЬ

СЛЕД В СЛЕД ЗА ОЗИРИСОМ

Еще в Астрахани есть исторический дуб, который помнит Петра Великого.

Осетр и белуга по-прежнему заплывают на астраханские базары. Большие Исады, Селенские Исады, Татар-базар. Масляно лоснятся копченые рыбы бока. Навалены груды воблы. Из-под полы вам, может быть, продадут и черной икры. Но покупателей мало. Дороговаты для астраханцев рыбы деликатесы. Лишь богатый московский турист подчас набегаает сюда со спустившегося по Волге теплохода: то-то радость скачающим торговцам.

В Астрахани растет все. От картошки до арбузов. В июле кругом алые горы сочных помидоров. Помидоры Маканин ест так: с душистым астраханским хлебом и осетром холодного копчения. Действительно вкусно. А в августе в дельте расцветает лотос.

Современное богатство Астрахани – газ и нефть. Настоящие хозяева края, судя по всему, Газпром и Лукойл. Астраханское месторождение нефти – примерно пятое по величине в мире. Газпрому принадлежит единственное суперсовременное здание в центре города. Это многогранная глыба из стекла и бетона. Архитектор явно столичный, чувствуется стиль, чуть ли не хайтек, но торчит этот дворец на улице, как золотой зуб в гнилой пасти.

Газпром опекает футбольную команду «Волгарь». Но и с футболом тут неладит, не тянут волгары бечеву, хотя астраханцы держат первое место по посещаемости матчей и знамениты своими фанами.

но, что отсюда вышел пионер новой русской литературы Тредиаковский, поклонник французской куртуазии.

Волга торопится тут на свидание к Каспию. У нее сильное, нетерпеливое течение. Не успеешь оглянуться – снесет вниз. Астрахань – русские ворота Хвалынского моря, русский ключ к персидским и среднеазиатским краям. В XVIII веке здесь были созданы военный флот, адмиралтейство, верфи. Могучая семибашенная астраханская крепость (кремль) еще XVII века на высоком Заячьем холме, с белокаменными стенами, – памятник бывшему (а может, и грядущему) военному значению города.

Новые вызовы заставляют астраханцев шевелиться. Они бы, может, и рады ничего не делать, наслаждаясь старинным покоем, но история уже отмеряет свои сроки. Отсюда, наверное, происходит новейший, авангардный астраханский русский патриотизм. Есть на одной из центральных улочек гастроном «Астрахань без Америки». Довольно банальное заведение. Не призыв, а казус. Стократ ошутимей для обостренного национально-культурного чувства иная угроза.

Некоторые астраханские писатели сурово предостерегают в здешней прессе: на город надвигается Азия, рынок заговорил с кавказским акцентом. Хлопают писатели крыльями, как пушкинский золотой петушок, – и с тем же эффектом. К тому же газет тут почти не читают, берегут расшатанные нервы.

Местные казаки берут себе в пример Стеньку Разина, невежливо обошедшего с восточной княжной. Они носят

ятелей). Упорно и пока бесплодно. Никому это не нужно: ни начальству, ни толпе. Просто время здесь не хочет обрываться. Тянется и длится. Ничего не меняется. А если что-то и меняется, то незаметно и исподволь.

На центральной площади стоит на постаменте Ленин. Он меланхолически задумчив, застыл в полунаклоне, роняя пальтишко наземь. Одна поэтесса, вдохновившись памятником, написала о том, как ей жалко Ильича, сжимающего кепку. «Прохладно. Не весна. Возможно, эта кепка – единственное, что осталось у него». Схвачено метко: астраханский Ильич и вправду, того и гляди, протянет головной убор за подаянием. «И в услужу ему, обреченному, подаяние прятать в пальто. Смерть избавит от пьянки по-черному, только вот не помянет никто». Это уже строчки другого астраханского поэта, Бориса Свердлова – человека щедрого, большого поклонника Есенина.

А рядом с Ильичем – пара берез, ветви которых увиты разноцветными ленточками. Такой тут ритуал: в день свадьбы жених лезет на березу и завязывает ленту. Есть ленточки на уровне человеческого роста. А есть и почти на самой вершине.

Вот еще история, рассказанная нам редактором газеты-официоза Игорем Бодровым. Была на краю города едва проезжая, полудачная улочка имени советского писателя Семена Бабаевского – знаменитого лакировщика действительности, лауреата Сталинской премии, с Астраханью вообще-то никак не свя-